

УДК 167.111.8

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОСТИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Колодина И.А.

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, e-mail: agafonowa.i@yandex.ru,

В статье раскрывается специфика понятия «интертекстуальность» как обоснования трансцендентальности гуманитарного знания. Дана новая классификация подходов к пониманию эволюции гуманитарной эпистемологии – классической, неклассической и постнеклассической; даны обшеметодологические рекомендации в анализе трансцендентальности, научности гуманитарного знания. Показана специфика гуманитарного знания в контексте неклассической теории познания, эффективность и значимость интертекста в раскрытии авторского замысла литературного произведения. Выявлены роль и значение диалогического метода М.М. Бахтина в разработке неклассической теории познания гуманитарных наук, отражена его взаимосвязь с современными подходами и течениями в философии гуманитарных наук (интертекстуальная концепция Ю. Кристевой). Дано фактическое подтверждение выдвигаемой концепции на основе анализа интертекстуальности как взаимосвязи текстов. Показана роль аллюзий, реминисценций и цитат как специфических приемов художественного текста в доказательстве открытости, трансцендентальности гуманитарного знания.

Ключевые слова: гуманитарное знание, текст, трансцендентальность, диалогичность, контекстуальность, интертекстуальность

INTERTEXTUALITY AS A MANIFESTATION OF TRANSCENDENCE OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Kolodina I.A.

Vologda Institute of Law and Economics, a teacher-trainer, Vologda, e-mail: agafonowa.i@yandex.ru,

The article deals with the specifics of the concept of «intertextuality» as a basis of transcendence of the humanities. Given a new classification of approaches to understanding the evolution of human epistemology – classical, nonclassical and postnonclassical; general methodological recommendations given in the analysis of transcendence, science of humanities. The specificity of the humanities in the context of the nonclassical theory of knowledge, efficiency and relevance of intertext in disclosing the author's intention of a literary work. The role and value of a dialogical method of M.M. Bakhtin in working out of the nonclassical theory of knowledge of the humanities is revealed, reflect its relationship with modern approaches and tendencies in the philosophy of the humanities (intertextual concept J. Kristeva). Given the actual confirmation of the concept advanced by the analysis of intertextuality as the relationship of texts. The role of hints, reminiscences and citations as specific receptions of the art text in the openness proof, transcendence humanitarian knowledge is shown.

Keywords: the humanitarian knowledge, the text, transcendence, dialogic, contextuality, intertextuality

В современной неклассической теории познания гуманитарное знание рассматривается эпистемологически полноценным и самодостаточным, в нем представлены как эмпирический, так и теоретический уровни познания. Специфика гуманитарного знания состоит в том, что его реальностью является текст, субъект находится внутри объекта исследования, а язык исследуется не с точки зрения каких-то конкретных лингвистических и семиотических функций, но как «интерсубъективно значимая целостность и форма коммуникации» [5, с. 55–56]. Анализ интертекстуальности гуманитарного знания является актуальной проблемой исследования, основанием доказательства научности гуманитарного знания, его объективности, всеобщности, а понятие контекста – способом философско-методологического прояснения проблематики данных понятий.

В классической философии проблема трансцендентального подхода к сознанию и познанию являлась одной из фундаментальных вопросов оценки сущности

знания. Отрицание трансцендентального уровня познания в гуманитарных науках, господство эмпирического субъекта ставило гуманитарные науки в произвольные рамки, лишенные объективной истинности и научности. Важнейшим признаком неклассической теории познания становится пересмотр статуса, форм и границ существования трансцендентальных структур в познании, в том числе и гуманитарном.

Понимание трансцендентального как в истории философии, так и в современных исследованиях предельно многозначно, что обуславливает определенную сложность в его исследовании. К наиболее часто вычлениваемым и значимым для эпистемологии свойствам трансцендентального знания относятся такие, как «универсальность (всеобщность), априорность, предпосылочность, условия возможности знания (аргумент пресуппозиции), противоположность эмпирическому, направленность на рациональность, объективная значимость, аподиктичность» [там же, с. 51]. На выявление таких характеристик гуманитарно-

го знания и направлен интертекстуальный анализ, который позволяет обосновать его трансцендентальность, «теоретико-антропологическое расширение смыслов в коммуникативном синтезе интерпретаций» [там же].

Интертекстуальный анализ как методология научного знания давно привлекает внимание философов, лингвистов, литературоведов не в плане замены исследования источников, а как новый способ прочтения и истолкования, позволяющий «осмыслить и освоить формы эксплицитного и имплицитного пересечения двух текстов» [6, с. 49]. Возникновение неклассической теории интертекстуальности было осуществлено в исследованиях М.М. Бахтина, в его концепции диалогичности, как основы взаимосвязи и преемственности культур, взаимопонимания и духовного единства людей.

Объектом гуманитарного познания, с точки зрения Бахтина, выступает текст как первичная данность, в которой концентрируются такие его особенности, как коммуникативная, смыслополагающая и ценностная природа. Именно эти характеристики и выводят гуманитарные науки на трансцендентальный уровень. Текст при таком подходе рассматривается не как чисто лингвистическая данность, а феномен культуры, требующий контекстуального анализа, тем более, что, по утверждению Бахтина, всякий человеческий поступок есть потенциальный текст, который может быть понят не как физическое действие, а только в «диалогическом контексте своего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов)» [1, с. 286].

Текст по своей природе диалогичен, он имеет открытый характер, не предполагает ограничения смысла, замкнутого на самом себе. Диалог не ограничен также и парой «автор – читатель», а предусматривает предшествующих и следующих за ними, т.к. одно высказывание не может быть ни первым, ни последним, «оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» [там же]. Высказывание вплетено в ткань множества других высказываний, его формирующих, так как «в любой оборот речи вложен голос и слово другого» [6, с. 67]. Монологизм уступает место диалогизму, а единое слово уступает место расщепленному, в которое вложена чужая смысловая направленность, где каждое высказывание может рассматриваться как ответ на все предыдущие, а «каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы» [1, с. 364].

В концепции Бахтина центром диалогических отношений становится исследование романа, так как в нем соединяется

два и более текстов, голосов, которые присутствуют в словах героев, высказываниях автора в виде «своего-чужого» слова, цитатах, мотивах и т.п. В самом акте творчества, помимо эмпирических субъектов, представленного автором и читателем, обнаруживается «позиция третьего», формально не участвующего в прямом общении, но играющего роль некой «точки отсчета» [там же, с. 149–150]. Эту роль выполняет автор, возвысившийся до трансцендентального субъекта, занимающего позицию «внеаходимости», прикладывая к себе мерку прошлой и будущей культуры. Автор, в отличие от эмпирического субъекта, является автономным источником своих собственных содержаний, дающих ему право исследовать возможность понимания бытия и устройство мира, тем самым, осуществлять переход, трансценденцию к априорным условиям познания.

В разные исторические эпохи такой «надресат» принимает различные идеологические формы, в связи с этим, Бахтин отмечает проблематичность понимания текста, роли контекста в его интерпретации. Диалог представляет собой исходную точку, где «данный текст, движение назад – прошлые контексты, движение вперед – предвосхищение (и начало) будущего контекста» [2, с. 384]. Именно данный аспект выделяет трансцендентально-семантические смыслы текста, его открытость и многозначность, многосмысленность и неопределенность, авторский, читательский и объективный смыслы в его понимании.

С помощью «диалогической» модели понимания текста можно наметить решение одной из главных проблем современной методологии гуманитарного знания – понимания его природы. Попадая в различные коммуникативные системы, слова и другие средства выражения могут изменять свой смысл, что приводит к «диалогу» старых и новых моментов, в результате которых образуются новые смыслы, не известные ранее. В понимании текста Бахтин выделяет отдельные акты, которые состоят из восприятия текста, узнавания его общего значения в данном языке, а также контекстуальность понимания. Он вводит понятие близких и далеких контекстов, предполагая нескончаемое обновление смыслов в новых контекстах, где актуальным становится малое время, предшествующее современности, ближайшим прошлым, предвидимым или желаемым будущим, и «большое время – бесконечный и незавершенный диалог, в котором ни один смысл не умирает» [там же, с. 392].

Таким образом, текст, с точки зрения Бахтина, выступает как первичная реаль-

ность, понимание которого обогащает описываемые в нем события с позиции более глубокого культурного контекста. Диалогическая структура текста меняет его смысл, а взаимодействие старого и нового обеспечивают объективную основу для оценки временем и обществом своего места и роли в бесконечной смене поколений, позволяя понимать смысл прошлых эпох и перспективу будущих. Текст открыт как потенциально не законченный диалог, благодаря которому появляется возможность взаимопонимания людей через время и расстояние, а открытость и многосмысленность текста предстает как некая трансцендентальная схема, позволяющая постичь новые аспекты мира.

Открытость текста предстает как соавторство, совместное творение «на границе двух сознаний» [5, с. 54], отдельный текст теряет замкнутый характер, становится частью обширного целого, объектом трансцендентального внимания гуманитарного познания. Благодаря открытости текста достигается особая форма его всеобщности, трансцендентальности через возможность открывать произведение заново в бесконечности его смыслов и оттенков. Тем самым, диалогичность, контекстуальность в понимании текстов становятся основой для развития современной интертекстуальной методологии гуманитарных наук.

Большой вклад в разработку интертекстуальной методологии гуманитарного знания внесла Ю. Кристева, с именем которой связано появление самого термина «интертекстуальность» как основания постнеклассической модели контекстуального понимания текста. В отличие от Бахтина, Кристева иначе понимает отношения текста, контекстуальности и интертекстуальности. Она исследует не только диалогический характер текста, но и его социальную и историко-культурную интертекстуальную природу.

Текст определяется Кристевой не только как актуализация вербальной знаковой системы, а как транссемиотический универсум или контекстуальный принцип понимания всех смысловых систем и культурных кодов. В результате этого текст понимается как «интертекст», всеобщее состояние социокультурного знания, непрерывный процесс порождения новых смыслов, которые необходимо раскодировать, опознать. Трансцендентальность текста, его общезначимость при таком подходе состоит в том, что в нем выявляются структурные признаки, сходные с другими областями культуры, проясняющими их взаимосвязь и взаимодействие. Текст выступает как всеобщая тотальность, обозначающая их общие свой-

ства и связи, возможность различными способами «явно или неявно сослаться друг на друга» [3, с. 5–6].

В целом, концепция интертекстуальности восходит к фундаментальной идее неклассической философии об активной роли социокультурной среды в процессе понимания и порождения смысла, благодаря чему текст независимо от содержания предстает косвенным, но объективным выразителем менталитета эпохи, реального положения самого человека, а его «социокультурное и историческое истолкование является отличительной особенностью современного трансцендентализма» [5, с. 52]. Тем самым текст осваивается как феномен, живущий в культуре, а гуманитарное знание предстает как особая, открытая форма всеобщности, универсальности, трансцендентальности, позволяющая при наличии бесконечности смыслов толковать любое произведение, не отрицая при этом его неповторимого своеобразия.

В сфере интертекстуального анализа текста возможны и иные выходы на понимание трансцендентального уровня гуманитарного знания. Так, на современном этапе развития философии науки язык исследуется не с точки зрения его конкретных лингвистических функций, а как априорная и трансцендентальная единица эпистемологического анализа. В этом контексте представляет особый интерес анализ аллюзии как формы интертекстуальности, трансцендентальности текста, так как она лишена буквальности и эксплицитности, представляет собой нечто более деликатное и тонкое.

Суть аллюзии заключается в том, что она позволяет уловить наличие связи между одной вещью, о которой говорят, с другой, о которой не говорят ничего, но представление о ней «возникает благодаря этой связи» [6, с. 91]. Доказательством интертекстуального обоснования трансцендентальности гуманитарного знания является словесная аллюзия, заключающаяся лишь в игре слов, которая становится не только удобной абстракцией, дающей ключ к пониманию сложных языковых форм, но одновременно моделью единства языкового употребления, «формой жизни», освоения мира. Литературная аллюзия позволяет читателю распознавать за иносказаниями ту мысль, которую имел в виду автор, не высказывая ее прямо. Подобная игра слов воспринимается как игровой элемент, вроде шутивного подмигивания, адресованного читателю.

Так, повесть М. Булгакова «Роковые яйца» рассказывает не только о гениальном профессоре Персикове, но и, прежде всего, о Лягушке. Упоминания об этом земновод-

ном столь многочисленны, что образуют особую лейтмотивную тему, проникающую и в сферу лексики. Даже телефонная трубка, как об этом не раз говорится в повести, неизменно «квакает». Образ Лягушки вызывает в памяти самую «главную» лягушку в истории отечественной культуры – «царевну-лягушку», что представляет собой прямой намек на сказку. Тем самым, булгаковская повесть предстает как некое инобытие классической доброй русской сказки, превращающей ее в современную страшную антисказку. Этим самым выявляется трансцендентальность гуманитарного знания, в котором за образами и сюжетными коллизиями данного текста проступают очертания фольклорно-сказочных образов и мотивов.

Подобную трансцендентальность можно отнести и к главному герою Персикову, образ которого функционально восходит к архитепической фигуре Ивана-царевича. Однако в данном художественном тексте происходит перераспределение функций фольклорного протообраза, так как Персикову не хватает, условно говоря, «царевны». Подобный прием, сохраняя общность, меняет смысл действий главного героя в сравнении с архитепически заданным.

Центральный фольклорно-мифологический образ яйца также способствует выявлению сказочности повести Булгакова. Так, размытое световое пятно напоминает яйцо, в котором Персиков обнаружил свой «красный луч», который «как маленькое острие», похоже на иголку. Сравнение с иголкой вызывает в памяти волшебное сказочное яйцо, внутри которого находится иголка. Такой прием привносит в социально-сатирическую символику повести более глубокие и вечные смыслы.

Если аллюзия относится к сфере имплицитной интертекстуальности, то выявление реминисценций и цитат представляет собой интертекстуальность эксплицитную. Обращение к подобным семантическим приемам необходимо для правильного прочтения текста, что позволяет обнаружить его скрытую глубину текста, «расшифровать» то, что казалось загадочным или бессмысленным. При рассмотрении и анализе реминисценций большую роль играет интерпретация, которая требует от интерпретатора внимательности, точности, неоднократности прочтения текста, сопоставления его с другими текстовыми структурами с целью определения истинного авторского, литературного, философского замысла.

Реминисценция представляет собой элемент художественной системы, отсылающий к ранее прочитанному произведению

искусства. Любое заимствование в реминисцентном плане как на уровне сюжета, так и строфики или смыслоорождения требует глубокого анализа. Так, в романе Т. Толстой «Кысь» реминисценции рассчитаны на память и ассоциативное восприятие читателя. Обильное количество приемов подобного рода преобладает в речи «Прежнего населения» и начинает расти у Бенедикта после прочтения им религиозных текстов и литературной классики. Среди них можно отметить дословные реминисценции из молитв – «Отныне присно и во веки веков», «На веки веков, аминь»; из сочинений Пушкина – «Глаголом жечь сердца людей», «Чего тебе надобно, старче?», «Без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви» и т.д. Известная фраза из стихотворения Пушкина «Памятник» – «к нему не зарастет народная тропа», появляется у повествователя в ином виде: «Думал, не зарастет народная тропа, дак если не пропальывать, так и зарастет». Наличие такого рода в речи «повествователя» многочисленных реминисценций на произведения Пушкина свидетельствует об уровне его начитанности, поэтическом вкусе и романтичности.

Реминисценциями в произведении становятся и самые маленькие элементы текста. Словосочетание «болезнь в головах» является напоминанием цитаты М. Булгакова. В свою очередь, известная фраза А. Григорьева «Пушкин – наше все» приобретает у «повествователя» такую форму: «Ты – наше все, а мы – твое». Тем самым, реминисценции дают возможность читателю понять, что «повествователь» является современником, который обладает своей точкой зрения на происходящее.

Доказательством интертекстуального обоснования трансцендентальности гуманитарного знания также может быть и цитата, которую с полным правом можно назвать эмблематической формой интертекстуальности, поскольку она позволяет непосредственно наблюдать, каким образом один текст включается в другой, выстраивая мозаику цитации как «продукт впитывания и трансформации какого-нибудь текста» [4, с. 99]. Так, художественное пространство в романе Т. Толстой «Кысь» представляет собой текст, включающий в большей степени поэтические неатрибутивные цитаты из произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина, И. Анненского, Б. Окуджавы и др. Толстая часто использует цитату в качестве точного воспроизведения какого-либо чужого фрагмента текста, но при этом полностью меняет его смысл. При таком подходе функция цитаты реализуется, прежде всего, за счет ее комического переос-

мысления, где «преобразование и формирование смыслов авторского текста и есть главная функция цитаты» [7, с.73].

В «Кысе» авторами представленных «чужих» текстов являются герои произведения – Федор Кузьмич и Бенедикт. Их речь пестрит цитатами из произведений устного народного творчества – «Жили-были дед да баба, и была у них курочка Ряба. Снесла раз курочка яичко, не простое, а золотое» или «Сами приходите. Сядем рядком, поговорим ладком»; из текстов песен – «Сердце красавицы! Склонно к измене! И к перемене! Как ветер мая!» и др. Подобным же образом Толстая использует выдержки из Библии, отрывки из русской классики. Такое использование цитат позволяет автору, создавая пародию, показать несостоятельность постмодернистских попыток уничтожить слово и литературу.

Таким образом, каждый текст, произведение можно назвать интертекстом, так как другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах. Обрывки старых формул, кодов перемешаны в исследуемых текстах, сливаются с ними, ибо до текста всегда и вокруг него существует язык. Трансцендентальность текста в данном случае проявляется в том, что его смысл возникает только в результате связывания между собой этих семантических векторов, выводящих в широкий культурный контекст, который выступает по отношению к любому тексту как внешняя знаковая среда. Интертекстуальность служит текстообразующим средством и методологическим приемом,

позволяющим выявлять всеобщное, трансцендентальное, воспроизводить предшествующие тексты и понимать настоящие в бесконечном процессе текстовой динамики, расширять границы восприятия прочитанного, создавая достаточное эпистемологическое основание для получения нового гуманитарного знания, объективно истинного, отвечающего критериям научности.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 383 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. Кристева Ю. Бахтин: Слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп., 1993. – № 3/4. – С. 5–24.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 1995. – № 1. – С. 97–124.
5. Микешина Л.А. Трансцендентальное измерение гуманитарного знания // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 49–66.
6. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
7. Фоменко И.В. Цитата // Русская словесность. – 1998. – № 1. – С. 73–80.

Рецензенты:

Ковригин Б.В., д.филол.н., профессор кафедры философии Вологодского государственного педагогического университета, г. Вологда;

Оботурова Г.Н., д.филол.н., профессор, зав. кафедрой философии Вологодского государственного педагогического университета, г. Вологда.

Работа поступила в редакцию 10.11.2011.